

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Драча
не плачет

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Редактор серии *В. Горюнова*

Климова, Юлия Владимировна.
К49 **Удача не плачет / Юлия Климова.** — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-166646-0

Дженнифер живет в семье родственников, а это не те люди, которые станут искренне заботиться о чужом ребенке. К тому же их беспокоит тайна рождения девочки. Кто ее отец? Где он? И почему мать дала ей такое странное имя? Оказывается, на эти вопросы может ответить старая няня, и жизнь Дженни кардинально меняется. Собрав вещи, она едет к отцу, в дом, где добро и зло переплетаются, а любовь не имеет права на ошибку...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166646-0

© Климова Ю., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

На вкус — как последняя капля дождя.
На вес — как туман на краю октября.
На взгляд — как печаль пожелтевших страниц.
На боль — как смерть подстреленных птиц.

Люби меня, слышишь? Люби до конца.
Чтоб взгляды тонули, слезились глаза,
Чтоб мысли срезали скопище лет,
Чтоб я не искала вопрос на ответ.

ГЛАВА 1 И ПУСТЬ ТАЙНА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ

Я помню лишь три случая, когда узорчатые стрелки больших каминных часов останавливались. Они будто хотели ненадолго победить время, чтобы предупредить обитателей дома о событиях, которые непременно сотрясут устоявшуюся жизнь. Потому что каждый раз происходило нечто важное и тревожное.

Пять лет назад на чердаке вспыхнул пожар.

Четыре года назад наш школьный автобус закрутило на льду, и он врезался в фонарный столб.

А прошлой осенью на поселок обрушился ураган, вырвавший с корнем несколько деревьев и расколовший мою любимую березу надвое. Точно огромный великан взмахнул топором и... нет березы.

Да, было три таких случая, и вот теперь стрелки вновь замерли, показывая полночь.

— Дженни, ты собираешься так стоять вечно? — раздался недовольный голос тети, и я отдернула руку от часов. — Возможно, тебе пора подумать об уроках. Или хотя бы уберись в своей комнате.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Хорошо, — быстро произнесла я, зная, что ответ не долетит до слуха Марины Аркадьевны, он ей попросту не интересен.

«Если ты сирота, живущая у родственников из милости, то знай свое место», — как-то сказала она, и, немного поразмышляв, я приняла данное условие.

В этом доме не так уж и плохо быть привидением: ты бесшумно скользишь по полу, мечтаешь, поздно ложишься спать, читаешь, опять мечтаешь и лишь изредка выслушиваешь нравоучения. Обычно, бросив пару-тройку воспитательных фраз, Марина Аркадьевна уходит, оставив после себя стойкий аромат сладких духов и легкое недовольство, дрожащее в воздухе. И я вновь становлюсь свободной на долгие дни.

Дядя еще меньше интересуется моей скромной пятнадцатилетней персоной. Наверное, если бы я собрала вещи и ушла, он бы даже не заметил. Хотя... Однажды я слышала, как он сказал Марине Аркадьевне: «Я опасаясь, что эта девчонка научит Вику чему-нибудь плохому. В ее генах течет порочная кровь, никто же не знает, где шастала моя разлюбезная сестра и кто отец нашей племянницы. Дженнифер... Тьфу. У нее даже имя непристойное!»

Проводив взглядом тетю, я вновь посмотрела на остановившиеся стрелки часов и тихо произнесла:

— Что-то произойдет. Обязательно. И очень скоро...

Да, меня зовут Дженнифер. Кратко — Дженни. И я не знаю, отчего мама дала мне такое странное имя. Но когда-нибудь я разгадаю эту загадку. Должно же быть объяснение... Хоть какое-нибудь. Я сто раз спрашивала об этом

Удача не плачет

Лизу, но она лишь пожимает плечами, качает головой и отмахивается, мол, теперь уж никто до правды не докопается. Однако я много раз замечала, что от моих вопросов глаза старой няни темнеют, а морщин на ее лбу становится гораздо больше.

Уроки я давно сделала, до ужина оставалось полтора часа, и с минуту я думала, чем бы заняться. У выходных есть огромный минус: дядя остается дома, и стены будто пропитываются холодом и раздражением. А это вызывает только одно желание — лечь в кровать, накрыться одеялом и зажмуриться.

Я бы с удовольствием завтракала, обедала и ужинала в своей комнате, думаю, это положительно сказалось бы на моем аппетите. Но дядя и тетя выступают за сохранение семейных ценностей. То есть мы обязательно должны собираться за большим столом, чтобы вместе есть и общаться.

Помню, в детстве мне разрешалось говорить: «дядя Юра» и «тетя Марина». Но три года назад, сразу после Рождества, Марина Аркадьевна и Юрий Викторович во время обеда сообщили, что я выросла и отныне и навсегда должна обращаться *«к самым близким и дорогим людям уважительно — по имени и отчеству»*. Вика тогда прыснула от смеха и спросила, нельзя ли и ее называть по имени-отчеству, так как она тоже дорогая и близкая...

Прихватив книгу, блокнот и цветные карандаши, я отправилась на чердак, где удобно устроилась на кушетке. После ремонта здесь все еще пахло свежими досками, и мне нравилось представлять, будто я плыву на корабле. Волны бьются о борт, а в небе раздается крик чаек. И ни-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

чего страшного, что за окном настойчиво каркает ворона. Главное — верить в лучшее.

В мае на чердаке еще прохладно, но я не стала кутаться в плед, а просто подтянула ноги к груди и обхватила руками колени. Если ночью посмотреть в узкое окно чердака, то можно увидеть Большую Медведицу. Я тысячу раз пробиравась сюда после двенадцати и глядела на небо. Даже представляла, что однажды семь звезд действительно превратятся в добрую маму-медведицу, которая унесет меня отсюда совсем в другую страну — сказочную. Но это, конечно, было давно.

«Жаль, сейчас нет звезд...»

Взяв блокнот и карандаш, я принялась рисовать Лизу. Таланта у меня не слишком много, портреты обычно получаются слабенькие, но зато очертания, фигуры, детали — это точно мое. И няню я представила в отдалении. Вот она сидит за столом, ссутулившись, и протягивает руку к чашке... А чашка пусть будет голубая. Потом раскрашу.

Пожалуй, Лиза единственный человек в доме, рядом с которым мне хорошо и комфортно. Но несмотря на это, мы не так уж и много общаемся. Марина Аркадьевна всегда ревностно следит за тем, чтобы внимание Лизы было максимально направлено на Вику. И няня побаивается разговаривать со мной долго. Но иногда я пробираюсь к ней в комнату и... мы болтаем сколько угодно!

— Между прочим, мне исполнилось шестнадцать лет. Шестнадцать! В некоторых странах в этом возрасте замуж выходят, а у меня до сих пор есть нянька! — иногда восклицает Вика. — Если кто-нибудь узнает об этом, то...

Удача не плачет

Вообще-то, я могла бы шантажировать свою двоюродную сестру. Подобные тайны стоят дорого.

Да, за нами уже давным-давно не нужно присматривать, мы выросли. Однако Марина Аркадьевна очень беспокоится за свою дочь, чему я тихо радуюсь. Было бы ужасно, если бы Лизе пришлось покинуть наш дом. Одна мысль об этом всегда меня расстраивала.

— Наш дом, — произнесла я из вредности.

Юрий Викторович не любит, когда я так говорю. Год назад он пригласил меня в свой кабинет и сказал, что позже я непременно должна поступить в учебное заведение, предоставляющее общежитие. И это тот редкий случай, когда наши желания совпали. Мне не терпится начать самостоятельную жизнь, я верю, что она будет интересной и счастливой.

— Дженни, ты на чердаке?! — раздался снизу голос Вики.

— Да! — чуть помедлив, отозвалась я. И короткий вздох огорчения мгновенно вырвался из груди: уединению пришел конец. Торопливо закрыв блокнот, я развернулась к лестнице.

Ступеньки пару раз скрипнули, а затем появилась Вика. Когда она вот так наряжается, пропасть между нами становится еще больше. И остается только ждать неожиданного порыва ветра, который сдует меня с поверхности земли и унесет в дальние дали.

Но ветры обычно не прилетают. Быть может потому, что я не хотела быть похожей на двоюродную сестру. Хотя она, конечно, значительно красивее меня. Просто внешность в моем случае это... защита. Никто лишний раз не повернет

ЮЛИЯ КЛИМОВА

голову в сторону обыкновенной девчонки в джинсах и простой рубашке. Конопатой брюнетке всегда проще слиться с окружающей средой. А Вика — блондинка, и волосы у нее длинные и прямые. А еще она часто пользуется красной или бордовой помадой. Очень трудно не заметить мою двоюродную сестру.

Не знаю, почему Юрий Викторович считает, будто я могу дурно повлиять на его дочь. Я вообще косметикой не пользуюсь, хотя иногда хочется. Вот только купить ее не на что. И я не ношу коротких обтягивающих платьев, и не курю после уроков на углу школы. Недостатки с Викой у нас точно разные. Меня, например, вполне можно причислить к жадинам, я ни за что никому не отдам разные канцелярские штуки: блокноты, ластики, карандаши, точилки... Возможно, один из моих предков по тайной отцовской линии страдал подобным накопительством или попросту был скрягой.

— Сфотографируй меня. Только не здесь. — Вика провела ладонями по талии и бедрам, покрутилась и с довольной улыбкой спросила: — Я же красotka?

— Да.

— Макс пригласил меня в кино. Я согласилась, но это ничего не значит. Он вообще не в моем вкусе. Не хочу встречаться ни с кем из нашего поселка, это глупо. — Развернувшись, Вика шагнула к лестнице и весело добавила: — Но нас отвезет водитель отца Макса, не буду же я отказываться от такой прогулки.

Мои бабушка и дедушка по материнской линии живут в Анапе, и я с ними встречалась два раза в жизни. «Дженни,

Удача не плачет

как же ты быстро растешь... Ты хорошо учишься? Дяде и тете не приходится за тебя краснеть? Очень бы хотелось, чтобы ты приехала на следующих каникулах». Но в Анапу на каникулы обычно ездит Вика, а я остаюсь дома, чтобы с удовольствием заниматься рисованием на чердаке, читать и слушать музыку. На меня билет не покупают.

Раньше мы жили на одной из шумных улиц Москвы в трехкомнатной квартире, но дела Юрия Викторовича пошли в гору. И мы переехали в коттеджный поселок, расположенный неподалеку от города. У нас не самый большой дом, но зато красивый.

Дядя занимает начальственную должность в алкогольном холдинге и всегда уходит на работу в костюме, белой рубашке и галстуке. «Без меня бы все давно там развалилось, — часто говорит он и добавляет: — Дженни, ты должна радоваться, что живешь в обеспеченной семье и ни в чем не нуждаешься. Не каждая на твоём месте устроилась бы так хорошо. И твоя покойная мать, моя сестра, вряд ли бы смогла организовать твою жизнь подобным образом». Иногда мне кажется, что если бы мама была жива, она бы подошла к Юрию Викторовичу и... плюнула в него.

— Только фотографируй нормально, не обрезай голову и ноги, — потребовала Вика, убрала волосы от лица, положила одну руку на высокую спинку красного бархатного кресла и призывно улыбнулась. — Давай, я готова.

Ужинать Вика отказалась, потому что у нее были накрашены губы, да и с минуты на минуту на отцовской машине должен был подъехать Макс. Картофельную запеканку с овощами и отварной телятиной мне пришлось есть с Ма-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

риной Аркадьевной и Юрием Викторовичем. А в такие минуты воздух кажется электрическим.

Со мной редко заговаривают в столовой, а если все же звучат вопросы, они обычно носят педагогический характер. С Викой проще, она отвлекает внимание на себя. То моя двоюродная сестра чем-то недовольна, то, наоборот, весела, и за столом звучат ее болтовня и участливые замечания Марины Аркадьевны и Юрия Викторовича. Время летит быстрее.

— Спасибо за ужин, — сказала я, подхватила тарелку и направилась в кухню. К счастью, меня никто не окликнул, и уже через пару минут я поднималась по лестнице в свою комнату. Отчего-то на самой верхней ступеньке я обернулась, посмотрела на каминные часы, вспомнила, что стрелки ночью замерли, и уловила в душе настойчивый холод, который довольно быстро превратился в небольшое теплое облако. Но это облако тут же растаяло. Трудно было понять ощущения... Будто зло и добро на мгновение встретились в груди, но... кто одержал победу? Непонятно.

Открыв дверь, я сразу увидела Лизу. Она сидела на стуле рядом с письменным столом и в полутьме ждала меня. А кого же еще, если комната моя? На няню падал свет настольной лампы, отчего морщины вокруг глаз казались более глубокими, чем есть на самом деле. Как же захотелось нарисовать Лизу, вот сейчас, в это мгновение! Но волнение на лице няни и полутьма быстро направили мысли в другую сторону.

— Что-то случилось? Почему ты не включила свет?

— Не включай, — быстро ответила Лиза, — а то я не решусь сказать тебе правду.

Удача не плачет

— Правду?.. — эхом повторила я.

— Да. Давно пора, но... — Она сжала губы, посмотрела сначала на дверь, будто опасалась, что нас могут подслушать, а затем спросила: — Где твои дядя и тетя?

— Ужинают.

— Это хорошо... Сядь. Думаю, нам предстоит долгий разговор, но, пожалуйста, задавай как можно меньше вопросов. У нас не так много времени. Я бы не хотела оказаться на улице из-за того, что совершила. — Лиза сцепила руки перед собой, но тут же разжала пальцы и принялась теревить край вязаной кофты. Она нервничала все больше и больше, и волнение стало подбираться ко мне тоже.

Вика старше меня на семь месяцев, и Лиза появилась в нашем семействе еще до моего рождения. Бабушка и дедушка прислали ее из Анапы, что стало для всех решением проблем.

Я знаю мало о прошлом Лизы, она никогда не любила говорить на эту тему. Раньше, из детского любопытства, я спрашивала о ее жизни, но в ответ звучали похожие по сути фразы. «Да я уже и не помню, давно это было» или «Как у всех, так и у меня: то плохое, то хорошее».

Детей у Лизы нет, а родственники каким-то хитрым способом лишили ее жилья. Вернее, ей отдали малую часть дома: крохотную пристройку с верандой, но жить на этих квадратных метрах было уже невыносимо. А сейчас там наверняка и не осталось ничего, что когда-то принадлежало Лизе. Есть такие люди... Гады. И с этим ничего не поделаешь. Хотя, я верю, судьба все равно их накажет.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Устроившись на кровати, я притихла и приготовилась слушать. Вопросов было уже полным-полно. Но сердце неожиданно заколотилось с такой силой, что слова застряли где-то на полпути.

— Я обещала твоей маме сделать это... И я сделала, — начала Лиза. — Кому, как не ей, было знать, что доброты у Марины Аркадьевны и Юрия Викторовича совсем мало и тебя ждет незавидная участь. Трепетным душам всегда достаются непростые испытания... Твоя мама хотела, чтобы у тебя был выбор. И она пожелала, чтобы ты его сделала тогда, когда станешь достаточно взрослой. В пятнадцать лет. Это тот возраст, когда решения принимаешь не быстро, а все же подумав. Хоть немного подумав. — Лиза тяжело вздохнула и наконец-то посмотрела на меня. Какой же маленькой она показалась в этот момент. Даже ее полные руки, погруженные в темноту, теперь представлялись худыми. — В октябре тебе исполнилось пятнадцать лет, а мне не хватило духу... Я все ходила и повторяла: «Потом, потом, надо выбрать день, да и к чему торопиться...» Но сколько можно тянуть? — Она вновь посмотрела на дверь, тяжело встала и подошла к окну. Сейчас отчетливо чувствовался семидесятилетний возраст Лизы, и я отвела взгляд, немного расстроившись. Не хочу, чтобы она старела. — А выбор тебе предстоит серьезный. И, быть может, придется выбирать из двух зол.

— Лиза, я не понимаю и волнуюсь. Так что ты сделала?

— Сегодня утром я выполнила обещание и отправила письмо твоему отцу. Скоро он узнает о твоём существовании... Скоро узнает.

Удача не плачет

ГЛАВА 2 ИМЯ МОЕГО ВРАГА

Конечно, я часто задумывалась над тем, кто мой отец. Где живет, кем работает... Если мое отчество — Андреевна, то ясно, как его зовут. Хотя иногда в подобных случаях отчества дают просто так, из списка понравившихся. А вот фамилия у меня мамина — Щеглова.

Однажды я попыталась представить и нарисовать отца, но получилась лишь высокая и худая тень в окружении штриховки. Впрочем, это и были мои многолетние ощущения. Именно ощущения, потому что годы шли, а узнать хоть что-нибудь не получалось. Я даже из подслушанных разговоров не могла выудить нужную информацию — Юрий Викторович и Марина Аркадьевна никогда не видели моего отца и тоже находились в неведении.

Мама родила меня в девятнадцать лет. До этого прекрасного события она училась в архитектурном институте и жила в общежитии. Дядя как-то сказал: *«Твоя мать приехала и сообщила, что ждет ребенка. Но слова были совершенно лишними, шестой месяц беременности видно за километр! Очень надеюсь, что ты не станешь брать с нее пример и сначала получишь образование, потом выйдешь замуж, а уж затем...»*

Мама вернулась в Анапу к бабушке и дедушке, там я и появилась на свет. Вот только я родилась слабенькой. Сейчас-то по мне этого не скажешь, а тогда... Кажется, я плохо переваривала молоко и слишком медленно набирала вес. Или что-то в этом роде. Когда мне исполнилось три

ЮЛИЯ КЛИМОВА

месяца, мама попросила у Юрия Викторовича разрешения пожить в его в квартире. Меня должны были обследовать в московской больнице, и жилплощадь на короткий срок очень требовалась. И дядя позволил.

Через месяц я пошла на поправку, но как-то слишком резко заболела мама. У нее начались проблемы с кровью... Лиза не любит произносить страшные диагнозы вслух, она ругается и говорит, что они могут прилипнуть к другому человеку. Наверное, не хочет меня пугать.

Мама умерла, когда мне исполнился год. Бабушка и дедушка не хотели возиться с маленьким ребенком, а Лиза уже ухаживала и за Викой, и за мной. Так я и осталась жить в семье дяди и тети. *«Это наш крест, и мы несем его достойно»*, — иногда говорит Марина Аркадьевна.

Зная, как хорошо рисовала мама, я тоже пытаюсь, но пока не очень выходит.

— Тебе известно, кто мой отец?! — выпалила я, сдерживая желания подскочить и обрушить на Лизу сто миллионов вопросов.

— Только имя и адрес, — сухо ответила она. — Повезло, что он живет там же, где и раньше, иначе пришлось бы потратить много времени на поиски. Адрес, который оставила твоя мама, оказался верным.

— Ты ездила по этому адресу?..

— Конечно, я должна была убедиться, что твой отец не сменил место жительства.

Я смотрела на Лизу удивленно и не могла отвести глаз. Сейчас она казалась священным сосудом, наполненным искрящимися и светящимися тайнами. Я ничуть не сердилась

Удача не плачет

на нее за многолетнее молчание, наоборот, моя душа пела. Лиза поступила так, как попросила мама, а ничего дороже не могло быть.

«Мама, мама... Она думала обо мне. Умирая, думала о моей судьбе...»

— Он живет в Москве? — спросила я и сжала губы, стараясь победить приближающиеся слезы.

— Почти...

— Но почему ты написала ему письмо, можно же было встретиться и рассказать...

— Очень сложные вещи тебе кажутся простыми, Дженни. — Лиза вернулась к столу и тяжело, с очередным вздохом, села. — Во-первых, я выполнила ровно то, что пожелала твоя мама. Она сказала: «И помолись, чтобы письмо не попало в чужие руки». Я помолилась. Во-вторых, она опасалась, что у меня могут быть неприятности. В-третьих, я бы умерла от страха, если бы мне пришлось перешагнуть порог этого дома. — Увидев выражение моего лица, Лиза почти беззвучно засмеялась, а затем добавила: — Ты не так поняла, Дженни. Твой отец живет не в московской квартире и не в страшной деревенской лачуге, почерневшей от копоти... Твой отец богат, очень богат. Его дом — это роскошная усадьба, утопающая в зелени деревьев. Кованные ворота высоченные и открываются сами, будто по волшебству. А к воротам тянутся ровные стриженные кусты с мелкими бордовыми листьями... Как же они называются?.. Забыла.

— Барбарис? — предположила я, стараясь получить минутную паузу. Сейчас я была жадной до каждого слова,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

но сердце колотилось так сильно, что я прижала ладонь к груди, стараясь его успокоить. А то еще выпрыгнет. Слова Лизы повисли в воздухе, а затем окружили меня. Я чувствовала их настойчивое бархатное присутствие. Но я вовсе не хотела думать о богатстве отца, совсем другое беспокоило меня больше всего на свете. — А если письмо потеряется или все же попадет в чужие руки... То что тогда? Что тогда? — протараторила я и все же подскочила и заметалась по комнате.

— Твоя мама сказала отправить три письма. По одному раз в месяц.

— Три письма... три письма... — прошептала я и обняла себя за плечи, пытаюсь теперь справиться с дрожью.

— Да перестань ты маячить, от твоих шагов дом качается. Сейчас Марина Аркадьевна прибежит, и влетит мне.

Я мгновенно остановилась и замерла, боясь нарушить покой даже пылинки на углу шкафа.

— Но... если ответ все равно не придет?

— Значит, такова судьба. Мы же с тобой не знаем, как живет твой отец. Наверняка у него уже семья, дети. А может, и раньше все это было... Я особо не спрашивала, а твоя мама лишних слов и не произносила.

— А когда ты отправила письмо?

— В четверг.

— А сколько оно будет идти?

«Сегодня воскресенье. Выходные считаются или нет? Только бы конверт не затерялся в газетах».

— Дня четыре, наверное... Я не знаю. Наше дело — ждать.